

Собрание сочинений в 10 томах. Том 5. //Правда, Москва, 1977

FB2: , 25 April 2008, version 1.0

UUID: 91fe51f6-8208-102b-bf1a-9b9519be70f3

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Вестовой Егоров

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0011
III.....	.0015
IV.....	.0019

**Константин Михайлович
Станюкович
ВЕСТОВОЙ ЕГОРОВ**

В эти предпраздничные дни в большой, красиво убранной квартире контр-адмирала Лещова шла такая же усердная чистка, какая происходила и во всех домах столицы.

Из всей прислуги адмирала особенно неистовствовал по приведению адмиральского кабинета в порядок пожилой, небольшого роста, плотный и коренастый человек, в कुцей измызганной черной тужурке, в стоптанных парусинных башмаках, какие носят в плаваниях матросы, с широким, далеко неказистым, несколько суровым лицом, на красноватом фоне которого алел небольшой нос, похожий на луковицу, а из-под густых черных бровей блестела пара темных зорких глаз, умных и необыкновенно добродушных. Слегка искривленные ноги и здоровенные жилистые руки пополняли неказистость этой, на вид неуклюжей, сутуловатой фигуры.

Столь непрезентабельный для такой роскошной квартиры слуга, возбуждавший иронические улыбки в франтоватом молодом лакее, в горничной и кухарке, был Михайло Его-

ров, отставной матрос, служивший у Лещова безотлучно пятнадцать лет. Сперва он был у него вестовым, а после отставки остался при нем в качестве камердинера и доверенного лица, на испытанную честность которого можно было вполне положиться. Егоров совершил со своим барином немало дальних и внутренних плаваний, и все имущество барина было на руках Егорова. Оба они за это долгое время до того привыкли один к другому, до того Егоров был верным человеком, заботившимся о своем командире и о его интересах с какою-то чисто собачьей преданностью, что, несмотря на обоюдные недостатки, хорошо изученные друг в друге, они не могли расстаться, хотя и нередко грозились этим оба в минуты раздражения.

Не расстались они даже и тогда, когда адмирал, по словам Егорова, «на старости лет ополоумел» и, несмотря на самые едкие предостережения своего вестового, выслушанные адмиралом с сконфуженным видом, женился два года тому назад на молодой, хорошенькой и очень бойкой блондинке, которую Егоров сразу же невлюбил и прозвал по-

чему-то «белой сорокой».

Он тогда же просил адмирала «увольнить» его.

– Жили мы с вами, Александра Иваныч, слава богу, одни, а теперь мне оставаться никак невозможно! – говорил Егоров своим мягким баском, поглядывая не без сожаления на смуглое, заросшее бородой, некрасивое и радостное лицо своего «ополоумевшего» адмирала.

– Это почему?..

– Сами, кажется, можете понять... Теперь у вас другие порядки пойдут с адмиральшей-то... Адмиральша потребует, чтобы вы взяли форменного камардина, а не то, чтобы держать такого, как я. Известно, молодой супруги надо слушаться, – прибавил не без иронической нотки в голосе Егоров.

– Ты, скотина, язык-то свой прикуси!..

– Прикуси не прикуси, а я верно говорю...

Адмирал, несколько смущенный, выругал Егорова на морском диалекте и приказал остаться.

– При мне будешь по-прежнему... Слышишь?

– Слушаю, ваше превосходительство...

– Только смотри... Не вздумай грубить барыне...

– Чего мне грубить?.. Я до барыни и касаться не буду... У их свои слуги будут... А я при вас...

Во всем угождавший своей молодой жене, в которую был влюблен по уши, адмирал, однако, решительно отстоял своего старого вестового, далеко не изящный вид которого и громкий грубоватый голос несколько шокировал изящную адмиральшу. Адмирал обещал, что Егоров не станет показываться ни в гостиной, ни в столовой, – для этого можно нанять приличного лакея, – а будет исключительно служить ему и ходить с ним в плаванья. Он ведь так привык к Егорову.

На этот компромисс адмиральша пошла, и довольный адмирал с прежней терпеливостью выслушивал ворчливые замечания, которые позволял себе Егоров, особенно в плаваньи, когда белая сорока жила на даче, и главным образом после побывок на берегу, откуда Егоров возвращался по большей части «урезавши муху».

Эти замечания в последнее время касались

преимущественно женитьбы адмирала. Молодая жена, тратившая много денег и заставлявшая адмирала сильно ограничивать свои расходы в плавании, возбуждала в Егорове негодование. Кроме того, и поведение адмиральши ему не нравилось, и он, не без некоторого основания, предполагал, что белая сорока обманывает адмирала, злоупотребляя его доверчивостью и «путается» с мичманами.

И нередко, вернувшись с берега, Егоров появлялся в адмиральской каюте и, прислонившись к двери, говорил заплетающимся языком:

– А еще адмирал... Адмирал, а звания поддерживать не можем... Прежде, бывало, офицеров честь честью, призовем обедать... угостим... Каждый день, как следует, по очереди три или четыре офицера у нас кушали, а нонече – шабаш!.. Одни кушаем... И денег у нас нет... Тю-тю денежки... Айда на берег... А по какой такой причине?.. Дозвольте вас спросить, Лександра Иваныч? Как вы об этом полагаете, ваше превосходительство?

– Егоров! Ты пьян, каналья!.. Иди спать...

– И пойду...

Но вместо того чтобы уйти, Егоров оставался в каюте и продолжал:

– А все-таки я вам, Александра Иванович, всю правду скажу... Очинно мне жалко тебя, моего голубчика... И сертучишко-то старенький... и сапоги в заплатках, и припасу у нас никакого... А кто виноват?.. Сами, Александра Иванович, виноваты... Не послушались Егорова... Небось Егоров, даром что из матросов, а с понятием... С большим понятием!.. Жили мы с вами холостыми, то ли дело?.. Слава тебе господи! И деньги у нас завсегда были, и всякого припасу вдосталь, и звание свое поддерживали... «Егоров! Шимпанского!» – «Есть!» И несую, что вгодно... А теперь, как глупость-то сделал...

– Егоров! Пошел вон! Искровяню рожу!

Но эта угроза не только не пугала Егорова, а, напротив, приводила его даже в несколько восторженное состояние.

– Что ж, искровяните. Сделайте ваше одолжение... Со всем моим удовольствием! Я ведь любя говорю... Слава богу, пятнадцать лет служу вам честно... А все-таки вижу: хоша вы

и адмирал, а рассудку в вас мало... Ну... хорошо... положим, бес выиграл на старости лет... Так женись, братец ты мой, на какой-нибудь степенной сахарной вдове в теле и с понятием, а то...

Обыкновенно Егоров не доканчивал, потому что взбешенный адмирал срывался с дивана и, схватив вестового за шиворот, ввергал Егорова в его крошечную каютку и запирали ее на ключ.

«Непременно прогоню эту пьяную скотину!» – решал адмирал в пылу гнева. Но гнев проходил, и эта «пьяная скотина» снова являлась в глазах адмирала близким, преданным человеком, а воспоминание нашептывало, как эта «пьяная скотина», жертвуя собой, спасла во время крушения своего командира.

И адмирал прощал Егорову его дерзкие речи во хмелю и ворчанья в трезвом виде, как и Егоров, в свою очередь, прощал адмиралу его ругань и кулачную расправу во время вспышек гнева.

И оба любили друг друга.

Егоров – вообще аккуратный и исправный, по морской привычке, человек – довел кабинет и маленькую спальню адмирала до умопомрачающей чистоты. Все в этих комнатах блестело и сверкало. Нигде ни соринки, нигде ни пылинки. Все окна были вымыты и протерты суконками. Подоконники сияли своей белизной, и дверные ручки и замки просто горели. Ковры были выбиты. Все адмиральское платье было вынесено на двор, проветрено, выбито и, вычищенное, аккуратно повешено в шкапу. На случай, если адмирал поедет во дворец к заутрене, Егоров надел на мундир ордена и привинтил звезды. Нужно ли прибавлять, что несколько пар адмиральских сапог так блестели, что хоть смотришь в них, как в зеркало.

До остальных комнат, до «ейных», как не без некоторого презрения Егоров называл другие комнаты, находившиеся под наблюдением адмиральши, он не касался и только при виде беспорядка в них презрительно скашивал губы и поводил плечами. Убиравшие

эти комнаты лакей и горничная не пользовались его расположением. Он их считал лодырями, и притом напускающими на себя «форцу», и относился к ним недружелюбно, как и к кухарке, и к барыне. Молодую хорошенькую адмиральшу он втайне просто ненавидел и только дивился «дурости» адмирала, который ничего не видит и, вместо того чтобы оттаскать эту вертлявую белую сороку за косы, лебезит перед ней, словно ошалелый кот, и не переломает ребер молодому господину из «вольных» [1], который, шельма, повадился ходить каждый день и выбирает время, когда адмирала нет дома.

– Совсем глупый мой адмирал, – часто думал вслух Егоров и искренне жалел своего адмирала.

Вообще и адмиральша и вся прислуга были в глазах Егорова одной шайкой, обманывавшей и обкрадывавшей адмирала. Все они были одни люди, а он с адмиралом – другие, ничего не имеющие с теми общего. Ах, если б адмирал прогнал их всех вместе с женой, а то доведут они его до беды!

Однако Егоров никогда не заикался об

этом адмиралу. У самого глаза, мол, есть, а кляузы заводить он не намерен.

И Егоров, зная, что и адмиральша далеко не расположена к нему и сейчас бы прогнала его из дому, если б не адмирал, – старался не показываться ей на глаза и при редких встречах держал себя с угрюмой почтительностью знающего дисциплину матроса. А в отношениях с прислугой напускал на себя суровость, избегал с ней разговаривать и водил дружбу только с кучером. Его одного он достаивал своими воспоминаниями о дальних плаваниях и рассказами о разных диковинах вроде «акул-рыбы» или черномазых людей, которые всякую пакость жрут и ходят как мать родила, и у приятеля своего в кучерской протрезвлялся, когда, случалось, приходил домой пьяный и не желал идти к себе в маленькую комнатку, находившуюся вблизи спальни адмирала.

В свою очередь и Егоров пользовался среди прислуги репутацией «грубого и необразованного матроса», с которым не стоит и связываться – облает. За обедом на кухне его дарили ироническими усмешками, на которые

Егоров не обращал обыкновенно ни малейшего внимания. И в редких только случаях, если франтоватый лакей, в угоду горничной, задевал Егорова, он совершенно спокойно выпаливал такое морское ругательство, что деликатная горничная и дебелая «кухарка за повара», жившая, как утверждала, только у генералов, в страхе взвизгивали и убегали из кухни.

Предвкушая удовольствие получить на светло Христово воскресение от адмирала обычные пять рублей и по этому случаю «взять все рифы», то есть напиться вдребезги в компании с кумом, мастеровым из адмиралтейства, Егоров накануне под вечер сидел в своей крошечной, чисто прибранной комнатке, где у образа теплилась лампадка, и исправлял кое-какие погрешности своего праздничного туалета, в котором он собирался честь честью идти к заутрене, – как в двери раздался стук.

– Что надо? Входи.

– Барыня вас требует! – объявил молодой лакей.

– А где твоя барыня?

– В столовой, и ваш барин там! – подчеркнул лакей.

Егоров, по старой морской привычке, рысцой понесся в столовую.

Там сидела адмиральша в капоте, несколько томная и уставшая от хозяйственных хлопот, и около нее адмирал.

– Вы свободны, Егоров?

– Точно так, ваше превосходительство! – гаркнул Егоров и кинул взгляд на адмирала, словно бы спрашивая его: «свободен ли он?»

– Ах, не кричите так громко! Он тебе, Александр, не нужен? Я Антона посылаю к портнихе...

– Нет.

– Так, пожалуйста, Егоров, сходите за окошком, за куличами и за пасхой и привезите поскорей все это сюда... Можете оттуда взять извозчика...

И адмиральша не без некоторой брезгливости протянула свою маленькую ручку и, словно бы боясь прикоснуться к большой и жилистой руке Егорова, осторожно опустила на его широкую ладонь деньги и квитанции с написанными на них адресами.

– Слушаю, ваше превосходительство!

И, зажав в своей руке все, что ему передала адмиральша, он вышел из столовой.

В коридоре его нагнал адмирал и заботливо сказал:

– Смотри, Егоров, не запоздай... Не заходи никуда...

– Куда же заходить, Лександра Иваныч, окромя туда, куда приказано?.. Будьте покойны. Духом слетаю...

И Егоров действительно «духом» слетал из Сергиевской на Конюшенную за куличами и за пасхой, оттуда на Литейную за двумя око-роками и фаршированным поросенком и уже рядил извозчика, чтоб везти домой все эти припасы, как его хлопнул по плечу «кум мастеровой» и весело воскликнул:

– Михаилу Нилычу, наше вам.

– Здорово, кум...

Тары-бары, разговорились, и так как на улице разговаривать было не совсем удобно, то кум предложил зайти в заведение.

– Выпьем по случаю кануна, Нилыч, по со-рокоушке и айда – по своим делам. Ты к свое-му адмиралу, а я к своей хозяйке... К заутрене пойдём... Завтра ведь какой праздник!..

Кум так резонно говорил, что Егоров, ни-сколько не подозревая опасности, какой под-вергается и его слабость к спиртным напит-кам, и все эти порученные ему припасы, с удовольствием принял предложение, и оба приятеля, бережно забрав кульки и картонки,

вошли в заведение, чтобы наскоро раздавить по сорокоушке.

– А то мне надо, кум, торопиться, – говорил Егоров, процеживая водку с медленностью настоящего пьяницы.

– То-то я и говорю... И мне нужно, кум.

IV

Был одиннадцатый час вечера, а Егоров еще не возвращался. Адмиральша сперва вздыхала, потом злилась и наконец пришла в отчаяние. Ведь это ужасно! К ней обещали приехать разгавливаться некоторые близкие знакомые и... и до сих пор ничего нет!

Нечего и говорить, что более всего досталось адмиралу.

– Вон ваш преданный и верный человек... Нечего сказать, хорош! Первый раз я решилась дать ему поручение...

– Да ты не волнуйся, Катенька!.. Он все принесет! – успокаивал жену адмирал, давно уже и сам волновавшийся, так как знал, что если Егоров не удержится и выпьет, то беда.

– Как тут не волноваться?.. Это ведь бог знает что такое... И ты еще держишь при себе такого пьяницу... Неужели и после этого ты не прогонишь его?..

– Но, Катенька...

– Ах, что вы все: Катенька да Катенька!.. Это наконец, просто глупо! – воскликнула Катенька с раздражением и заперлась в спаль-

не.

Адмирал взбешенный ходил по кабинету, мысленно осыпая Егорова самую отборною бранью, какую он позволял себе только в море.

Уж он хотел было идти к жене и предложить ехать немедленно в лавки и все купить, как в кабинет вбежала жена и крикнула голосом, полным раздражения:

– Подите... полюбуйтесь, что привез ваш преданный человек! Идите!

Адмирал покорно и с виноватым видом пошел вслед за женой в столовую, и – о ужас! – вместо двух пасох были какие-то приплюснутые лепешки. По счастью, окорока, поросенок и куличи были целы.

– Ах, мерзавец! – проговорил только адмирал.

– Как же мы будем без пасхи! – охала адмиральша.

Адмирал тотчас же велел лакею ехать за пасхами и крикнул:

– Позвать сюда Егорова!..

Через минуту-другую в столовую вошел Егоров. Он довольно твердо держался на но-

гах, хотя и был сильно пьян.

– Христос воскрес, Лександра Иваныч... Виноват, ваше превосходительство... Это точно, помял пасхи... потому кума встрел... – говорил Егоров заплетающимся языком.

– Он совсем пьян! – промолвила в ужасе адмиральша.

– Точно так, ваше превосходительство... Пьян, но вас это не касается... Я Лександры Иваныча вестовой, а не ваш. Адмиральский слуга... Пусть он меня расскажит!.. Бейте меня, Лександра Иваныч, подлеца... Не жалейте Егорова за пасхи... Все от вас приму, потому жалко мне вас... Жили мы, слава богу, прежде хорошо, а как вы на старости лет...

– Вон! – заревел адмирал и вытолкнул Егорова из столовой.

Целую неделю Егоров пьянствовал и, отрезвившись, явился к адмиралу и просил его «увольнить».

Но адмирал, уже упросивший жену простить Егорова и, взявши с нее слово никуда его не посылать, не уволил Егорова и летом взял с собой в плаванье.

1

Так матросы называют статских. (*Прим. автора.*)

[^^^]